

УДК 81'367.7-808.5

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В ДИСКУРСЕ

Самигулина Ф. Г.

Южный федеральный университет

В статье рассматриваются прагматические возможности грамматической антитезы. Основное внимание уделяется функциональному и коммуникативному аспекту грамматической антитезы как феномену дискурса.

Ключевые слова: эмоциональность, экспрессивность, категория интенсивности, грамматическая антитеза, воздействие, коммуникативное значение

Постановка проблемы. Как известно, ценность, оценка – наиболее важная часть картины мира человека, в том числе и языковой, она основывается на реальной значимости данной категории в жизни человека, и поэтому «исследование концептов психологических состояний и, в частности, эмоций – эта та область, которая определит развитие концептуальных исследований на далёкую перспективу» [5, с. 64]. Являясь способом оценки и составляя мотивационную основу деятельности человека, эмоции не могут не отражаться в его дискурсивной практике, поэтому эмоции всегда сопровождают речемыслительную деятельность человека. Анализ выразительных средств в разных видах дискурса показывает, что аксиологические значения, эмоциональное содержание достаточно часто могут быть репрезентированы при помощи такой фигуры, как грамматическая антитеза, которая основана на оппозиции форм слова с суффиксом субъективной оценки и без него: *Были беды, а сегодня бедки, / а ведь хнычет в каждом разговоре. / Маленькие личные победы / победили нас и раскололи* (Е.Евтушенко). Это обусловлено тем, что концептуализация может быть реализована с помощью не только лексических, но и грамматических средств языковой системы. Данной проблеме и посвящена настоящая статья.

Выделенная нами грамматическая антитеза характеризуется тем, что ее компоненты являются словоформами одной лексемы, противопоставленными лишь своими грамматическими значениями, так как суффиксы субъективной оценки являются формообразующими. Заметим, что в конструкциях с противопоставлением словоформ с суффиксом и без него наблюдается особая структурная организация, которая воспринимается как новая, необычная, отклоняющаяся от нормы. Все эти определения относятся к выразительной экспрессивности, следовательно, грамматическую антитезу можно отнести к этому разряду экспрессивных средств. Но такое понимание выразительности детализирует структурный, но не углубляет функционально-коммуникативный аспект данного феномена. Более целесообразным является подход, когда подробнее раскрывается функция выразительности. В этой связи выразительность следует рассматривать как качество, характеризующее речь, способную привлечь внимание своей необычной организацией. Но внимание адресата удержи-

вается и сосредоточивается на необычной организации речи лишь в том случае, если эта необычность привносит новизну в содержание высказывания, то есть выступает не только как выразительное, но и изобразительное средство. В анализируемых примерах сопоставляются две словоформы (с суффиксом и без), например: *В годы скитаний и унижений /Женькой был я - /не только Женей* (Е. Евтушенко), то есть используется частичный корневой повтор. А, как известно, для повторов наиболее характерна семантика эмоционального отношения говорящего к предмету речи. Таким образом, на базе повтора одной и той же словоформы с суффиксом субъективной оценки и без него возникают экспрессивные конструкции, то есть формы субъективной оценки имен существительных выступают как грамматические средства объективации психологического содержания. Механизм возникновения экспрессивности в подобных случаях заключается в реализации языковой категории интенсивности. Интенсивность связана с понятием недискретного количества, которое подлечит измерению и выражается при помощи измерения. При этом определяющей категорией становится категория меры, так как она выражает единство количественных и качественных характеристик объекта. Мера в свою очередь указывает на предел, за которым количественные изменения ведут к изменениям качества объекта. Реализация категории интенсивности в оппозициях словоформ с суффиксом субъективной оценки и без него происходит благодаря особому расположению членов оппозиции, а именно их противопоставлению. Подобное противопоставление возможно вследствие того, что с наращением суффикса происходит изменение слова, послужившего мотивирующей основой, а именно: его усиление. Это то же самое и вместе с тем другое слово, что ощущается особенно остро, когда оба слова встречаются на небольшом отрезке текста: *Дорогая Вера Федоровна, большое Вам спасибо за письмо. Не спасибо, а спасибоще – вот так!* (А.П.Чехов). В результате между словами возникают особые отношения. Действительно, даже формально слово становится длинней, ведь $A + \wedge$ больше, чем просто A . Но вместе с суффиксом к слову присоединяется еще и добавочное значение, так что слова начинают противопоставляться и семантически. В этом случае комбинация двух идей обращает на себя внимание, так как действует на наш слух одновременно с воздействием на сознание [1]. Отметим, что меняется только количественная семантика, качество же остается неизменным, то есть происходит интенсификация того или иного признака. По этому поводу Е. Курилович писал, что «значение производного слова стремится отодвинуть исходное слово в сторону противоположного значения». Так, исходное слово, от которого образовано уменьшительное, «приобретает – по контрасту со значением этого последнего – увеличительное значение» [3]. Заметим, чем больше аффиксов добавляется к мотивирующему слову, тем более противопоставлено ему производное слово, что способствует повышению экспрессивности всего высказывания, например: *Сам думал: а почему был испуганный взгляд – за каретным стеклом: вытучились, окаменели, закрылись глаза; голова покачалась и скрылась; рука потряслась там безвластно, была не рука, а ... ручоночка* (А.Белый). Как видим, в данном примере слова *рука* и *ручоночка* противопоставлены. Во втором слове использован суффикс субъективной оценки третьей степени *-оночк-*, который способствует этому противопоставлению, увеличивающемуся также за счет употребления

противительного союза «а» и отрицательной частицы «не» (усиливает отрицательную эмоциональность и присоединение суффикса к слову женского рода). Интересно, что в этом примере многоточие перед словом *ручоночка* еще больше отдаляет его от производящей основы *рука*. Е. Курилович назвал подобное явление «поляризацией». Он указывал, что «склеивание» суффиксальных элементов, «часто представляет собой не что иное, как явление противопоставления, в результате которого подчеркивается роль производного слова по сравнению с исходным» [3, с. 9]. Таким образом, эти слова становятся грамматическими антонимами, а антонимия часто используется для создания такой фигуры, как антитеза, которая повышает выразительность речи и способствует объективации эмоций в дискурсе. Центральным понятием языковой антонимии является понятие противоположности, но противоположности соотносительных слов. Исследователи отмечают, что семантика антонимов формируется не столько на отражении абсолютных (объективных) свойств, признаков и их отношений в реальной действительности, сколько на их оценке и сравнении относительно других. Следовательно, антонимы с точки зрения семантики представляют собой категорий оценочные [4]. При этом следует подчеркнуть, что противопоставление словоформ с суффиксом субъективной оценки и без него служат средством выражения не рациональных, а эмоциональных оценок.

Соприкасаясь с реальной жизнью, объективные, на первый взгляд, идеи «пробиваются эмоциональностью», так как речь каждого человека постоянно стремится передать субъективность мысли. Кроме того, речь отражает стремление человека к какой-либо цели: приказать, убедить, передать свое эмоциональное состояние, выразить отношение и т.п.: *Стихи, братец, вздор. Стихи гимназистам писать; стихи до сумасшедшего дома вашу братью, молодежь, доводят... Положим, что Пушкин, кто об этом! А все-таки стишки и ничего больше; так эфемерное что-то...* (Ф.М. Достоевский). Информация эмоционального характера явно проявляется при нарушении норм употребления языковых единиц в речи. То есть усиление выразительности осуществляется путем отбора нестандартных, непредсказуемых языковых знаков или их комбинаций. Что и происходит при параллельном использовании в дискурсе одной и той же словоформы с суффиксом субъективной оценки и без него. Экспрессивность таких употреблений основана на эффекте обманутого ожидания. Используясь подобным образом, суффиксы субъективной оценки служат для выражения дополнительных коннотативных (коммуникативных) значений, тем самым передавая эмоциональную оценку. Это и позволяет им выступать в качестве экспрессивных средств: *Большой правде социальных движений он противопоставил свою личную правдёнку* (из газ.). Грамматические антитезы в качестве экспрессивных средств часто встречаются в художественном, публицистическом и бытовом дискурсах, то есть там, где необходимо воздействовать на адресата определенным образом. Категория интенсивности наиболее ярко реализуется при контрастном употреблении оппозиции разных форм одного слова, что ведет к большей экспрессивности и эмоциональности таких конструкций, например: *Вы сходите, мальчишки, от зависти с ума, но видел я штормишки, а вовсе не шторма* (Е. Евтушенко). Здесь наблюдается проявление специфики когниции человека, базирующейся на особенностях его психофизиологии и наиболее ярко отражающейся в восприятии

такой фигуры, как антитеза. Так, отношения противопоставления, контраста в перцептивном плане более значимы, чем отношения сопоставления: они легко распознаются и, следовательно, быстрее воздействуют: *Нет, это не факторы, а факторички* (из газ.). Основная часть грамматических антитез с суффиксами субъективной оценки может быть квалифицирована как акротеиза. Именно на примерах акротеиза рассмотрим в статье основные особенности грамматических антитез, их возможности в репрезентации эмоционального плана содержания высказывания.

Отметим, что наиболее продуктивным среди уменьшительно-ласкательных суффиксов, используемых в грамматических антитезах является суффикс *-к*, например: *Настоящий мужчина – тот, кто говорит, что у женщины – «ножки». А который говорит – «ноги» – сам мужичка* (ТВ, К.Новикова). В данном примере суффикс *-к* способствует репрезентации эмоционального аксиологического содержания, так как его использование привносит оттенок уничижительности. Или: *Разве это были деньги? Нет, это были денежки, копеечки, грошики* (там же). В последнем примере, наряду с отрицанием, используется еще одно средство усиления грамматической антитезы, а именно: синонимы к одному из членов оппозиции. Идеографические синонимы к слову *денежки*, которые обозначают самые мелкие из денег да еще с уменьшительным суффиксом, создают антонимичное противопоставление (*деньги – денежки*) и тем самым усиливают экспрессивность данной грамматической антитезы. Не менее продуктивным в эмоциональном дискурсе является суффикс *-ишк*. Существительные, образованные при помощи этого суффикса, чаще могут иметь значение пренебрежительности, уничижительности, реже ласкательности. Но в анализируемых конструкциях реализуется именно значение уничижительности, например: *Она права. Я думал, что мы люди, а мы людишки* (А.Рыбаков); *Зевая, / мы играем как в картишки, / в засаленные стёртые страстишки, / Боясь трагедий, / истинных страстей* (Е. Евтушенко). Достаточно продуктивный суффикс *-онк* также встречается в художественном дискурсе: *Девчонки машут с радостью такой! / Всегда у рельс найдутся те, которые / махнут - / пускай ручонкой, / не рукой* (Е. Евтушенко). Хотя основным его значением является уничижительно-презрительное, но в данном примере (благодаря «обратной» структуре антитезы «от меньшего количества к большему» и контексту) на первое место выдвигается скорее уменьшительное значение: Антитезы часто строятся также при помощи суффиксов субъективной оценки *-ок /-ик*, например: *Был круг идей. / Проверили – кружок. / Был грозный Бог. / Проверили – божок* (М. Сергеев). В этом примере суффикс *-ок*, кроме уменьшительного, приобретает также значение уничижительности. Вероятно, в связи с интенсификацией значения уменьшительности, возникающей при противопоставлении словоформ с суффиксом уничижительности и без него. Кроме того, в антитезе *бог – божок* с помощью суффикса субъективной оценки возникает дополнительный оттенок значения: Бог истинный – языческий божок (‘маленький идол, кумир’). Приведем еще один пример: *Выскочил поп из под навеса без шапки, в одном подряснике, да и не поп это, а так – маленький-маленький попик, будто сморчок* (А. Белый). Интересно, что здесь антитеза на базе оппозиции словоформ *поп – попик* носит иронический характер. Это происходит вследствие интенсификации грамматического значения количества при помощи языковых средств разных уровней

(суффикс *-ик* передает уменьшительное значение, которое подчеркивается при помощи использования отрицательной частицы и противительного союза и усиливается лексическим повтором *маленький-маленький*, а также сравнением *будто сморчок*). Перечисленные выше суффиксы встречаются наиболее часто, но есть суффиксы субъективной оценки, употребляющиеся для объективации эмоций в грамматических антитезах в единичных случаях. Таков, например, суффикс *-ец*. В этом суффиксе еще ярче, чем в суффиксе *-ик*, на первый план выступают оттенки ласкательности, сочувствия, смирения, унижительность, презрения и фамильярного участия [2]. Заметим, что подобная семантическая разноплановость данного суффикса (то есть его возможность передавать противоположные эмоциональные состояния) обусловлена континуальной природой самих эмоций, их способностью к реполяризации. В анализируемых нами грамматических антитезах суффикс *-ец* чаще способствует вербализации такой эмоциональной оценки, как презрение: *Как и тогда, / как много лет назад, / Благоухает нам вишнёвый сад, / Где чувства стали жертвой жалких чувствец* (И. Северянин). В грамматических антитезах этот суффикс приобретает чаще значение отрицательного эмоционального отношения, вероятнее всего, в связи с усилением в его значении семы 'уменьшенное количество', а также из-за контактного противопоставления словоформ с суффиксом субъективной оценки и без него. Причем это противопоставление еще более усиливается из-за присоединения суффикса *-ец* к существительному во множественном числе.

Привычное, как известно, не привлекает к себе внимание, и потому нейтрально. В свою очередь отклонение от нормы ведет к экспрессивности. Скачок в количественной характеристике признака передает явную нереальность высказывания и привлекает внимание. Причем яркость чувств по отношению к объекту, субъекту или его признаку влияет на способ указания количественной характеристики и часто порождает желание преуменьшить или преувеличить. Поэтому довольно часто для создания грамматической антитезы используется увеличительный суффикс *-ищ*, например: *Толстой – то, Толстой! Это, по нынешним временам, не человек, а человецище, Юпитер* (А.П. Чехов). В данном примере увеличительное значение словоформы *человецище* по сравнению с *человек* очевидно. Здесь яркое противопоставление достигается еще и потому, что в антитезе употреблён противительный союз «а», отрицание «не» перед первым членом оппозиции и, наконец, определение, выраженное приложением – *Юпитер* – перед вторым. Таким образом, антитеза «подкреплена» сразу тремя дополнительными средствами. Как видно из примеров, категория интенсивности предназначена для качественно-количественной характеристики явлений с целью дать их экспрессивную оценку. Частое использование отрицательных частиц в грамматических антитезах объясняется тем, что отрицание в целом более эмоционально, чем утверждение. Замечено, что отрицательные предложения встречаются в среднем во много раз реже, чем утвердительные, следовательно, их появление оказывается особо информативным. Большую выразительность этих конструкций можно объяснить и тем, что отрицание позволяет сделать фразу предельно лаконичной. Категория интенсивности сигнализирует, таким образом, о выразительности. Следовательно, введение в высказывание интенсификаторов создает экспрессивность и способствует объективации разномодальных эмоций.

Выбор конкретных средств интенсификации – это субъективный выбор говорящего. Причем этот выбор по большей части падает на ненормированные средства. Так, в грамматических антитезах для создания яркой оппозиции могут быть использованы не только суффиксы субъективной оценки или уменьшительные и увеличительные суффиксы, но и суффиксы, выражающие значение собирательности. Причем эти суффиксы для большей интенсификации оппозиции грамматических значений могут присоединяться к конкретным именам существительным в форме множественного числа, например: *Были мы люди, а стали людье*... (О. Мандельштам). Воздействие эмоциональной оценки построено на механизме заражения, «эмоционального резонанса». Ответные чувства может вызвать только нечто необычное, новое, ненормативное. Обычные же явления оставляют нас равнодушными. Известно, что на уровне нормы передается основная интеллектуальная информация. А при нарушении норм употребления языковых единиц в речи возникает информация эмоционального характера. Поэтому всякое нарушение нормы в дискурсе может стать источником эмоционального воздействия. Как подчеркивал Ш. Балли, именно различие – это «основная пружина экспрессивности», которая всегда предполагает некую аномалию. В этом плане «очень нерегулярные языки (например, современный русский) уже сами по себе предоставляют говорящим больше стилистических ресурсов, чем языки с жёсткими правилами...» [1, с.124]. В описанных конструкциях интенсификация значения слова, создаваемая при помощи формообразующих суффиксов, ведет к поляризации значений разных форм одного слова. Реализация категории интенсивности в данных оппозициях словоформ ведет к их экспрессивности, тем самым способствуя передаче эмоциональной оценки. При этом противопоставление словоформ с суффиксами субъективной оценки и без них подкрепляется разнообразными лексическими и грамматическими средствами, что еще больше усиливает выразительность данной конструкции.

Таким образом, анализ экспрессивных средств грамматического уровня языка показывает, что человек, который стремится выразить свою мысль или хочет навязать ее другому, может достичь желаемого лишь искажая действительность и отступая от истины. Чтобы стать выразительной, «речь должна без конца деформировать идеи, преувеличивая или преуменьшая, переворачивать их, переводить в другую тональность» [1, с.31]. Этому способствует использование в эмоциональном дискурсе грамматической антитезы, объективирующей разноmodalные аксиологические значения.

Список литературы

1. Балли Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 232 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
3. Курилович Е. О природе так называемых «аналогических» процессов / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – С. 92-121.
4. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке / Л.А. Новиков. – М.: МГУ, 1973. – 290 с.
5. Пименов Е.А. Концепты эмоций: перспективы исследования национальных культур / Е.А. Пименов // Язык. Этнос. Картина мира. Серия «Концептуальные исследования». – Вып. 1. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. – С. 59-65.

Самігуліна Ф. Г. Граматичні засоби репрезентації аксіологічного значення у дискурсі / Ф. Г. Самігуліна // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 4, ч. 2. – С. 447–453.

У статті розглядаються прагматичні можливості граматичної антитези. Звертається увага функціональному та комунікативному аспекту граматичної антитези як феномену дискурсу.

Samigulina F. Grammatical means of representation of axiological meaning in the discourse / F. Samigulina // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 4, part 2. – P. 447–453.

Pragmatically opportunities of the grammatical antithesis are examined in the article. Main attention is paid to the functionally and communicative aspect of grammatical antithesis as a phenomenon of discourse.

Key words: emotionality, expressivity, category of intensity, grammatical antithesis, influence, communicative meaning.

Поступила в редакцію 10.10.2012